

18+

ИСТОРИЯ ВЕЩЕЙ

ПРОЕКТ ТАШИ КАЛИНИНОЙ
"ВРЕМЯ СВЕТЛЯЧКОВ"
СБОРНИК IV

Елена Курзенюк
Марина Отраднова
Полина Ясинская
Марина Лохматова
Инна Аббазова
Марина Абузьярова
Жанна Межевич-Юденко
Юлия Троян
Татьяна Стремоусова
Татьяна Мордасова
Джефф Рестинг
Лена Лилявина
Наталья Каминская
Галина Соснина
Людмила Балакина
Татьяна Томова
Екатерина Турчанинова
Альфия Тимошенко
Ольга Воротникова
Сборник Историй
Людмила Семькина

**Елена Смирнова
Анна Басенко
Алла Смоленцева
Татьяна Васильева
Анна Еффа
Александр Большаков
Ольга Логинова
Василиса Морозова
Мария Корниенко
Екатерина Лиханова
Ксения Боровская
Екатерина Ашиток
Время светлячков.
История вещей. Проект
Таши Калининой**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72134020
ISBN 9785006738621*

Аннотация

Какие тайны хранят привычные вещи? Почему обычная вазочка может быть ценнее бриллиантов, а некоторые игрушки живут почти вечно? Обычные люди – авторы сборника «Время светлячков. История вещей» – делятся своими рассказами о вещах и вещицах, которые остаются с нами навсегда. А у вас есть такая особенная вещь?

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Жар солнца	12
А если это любовь	19
Чёрно-белая память в коробках	22
Мишка	26
Вероника	31
Гусь	34
Ведро яблок	38
Мои любимые машинки	43
Босоножка	47
Олька	54
Бабушке	60
Янтарное солнце	64
Сокровища бабы Нины	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Время светлячков.

История вещей

Проект Таши Калининой

Авторы: Историй Сборник, Аббазова Инна, Лохматова Марина, Стремоусова Татьяна, Курзенюк Елена, Абузарова Марина, Томова Татьяна, Лиханова Екатерина, Мордасова Татьяна, Смирнова Елена, Каминская Наталья, Межевич-Юденко Жанна, Еффа Анна, Ясинская Полина, Лилывина Лена, Тимошенко Альфия, Корниенко Мария, Воронникова Ольга, Боровская Ксения, Семькина Людмила, Басенко Анна, Большаков Александр, Рестинг Джефф, Отраднава Марина, Смоленцева Алла, Турчанинова Екатерина, Ашиток Екатерина, Соснина Галина, Логинова Ольга, Троян Юлия, Балакина Людмила, Васильева Татьяна, Морозова Василиса

Корректор Марина Лохматова

Корректор Мария Корниенко

Корректор Альфия Тимошенко

Дизайнер обложки Полина Ясинская

Составитель Таша Калинина

© Сборник Историй, 2025

- © Инна Аббазова, 2025
- © Марина Лохматова, 2025
- © Татьяна Стремоусова, 2025
- © Елена Курзенюк, 2025
- © Марина Абузярова, 2025
- © Татьяна Томова, 2025
- © Екатерина Лиханова, 2025
- © Татьяна Мордасова, 2025
- © Елена Смирнова, 2025
- © Наталья Каминская, 2025
- © Жанна Межевич-Юденко, 2025
- © Анна Еффа, 2025
- © Полина Ясинская, 2025
- © Лена Лилявина, 2025
- © Альфия Тимошенко, 2025
- © Мария Корниенко, 2025
- © Ольга Воротникова, 2025
- © Ксения Боровская, 2025
- © Людмила Семькина, 2025
- © Анна Басенко, 2025
- © Александр Большаков, 2025
- © Джефф Рестинг, 2025
- © Марина Отраднава, 2025
- © Алла Смоленцева, 2025
- © Екатерина Турчанинова, 2025
- © Екатерина Ашиток, 2025

© Галина Соснина, 2025

© Ольга Логинова, 2025

© Юлия Троян, 2025

© Людмила Балакина, 2025

© Татьяна Васильева, 2025

© Василиса Морозова, 2025

© Полина Ясинская, дизайн обложки, 2025

© Таша Калинина, составитель, 2025

ISBN 978-5-0067-3862-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если подумать, всё вокруг нас – живое. Не только деревья, трава, небо, но и скамейки в парке, любимые кеды, вазочка на полке, бусина в шкатулке, особенное платье. А почему? Потому что со множеством вещей связаны самые разные истории – весёлые и грустные; навевающие счастливые воспоминания или ставшие мостиком в будущее и передающиеся из поколения в поколение как семейная реликвия; связанные с драматическими событиями и глобальными потрясениями. И если подумать, вещи, которые нас окружают, могут рассказать о нашей жизни практически всё. Они подсвечивают наши ценности, хранят наши секреты, наполняют нас силами двигаться дальше.

О таких вещах – маленьких и очень даже масштабных – авторы сборника рассказывают сегодня. В этих историях нет художественного вымысла, все они взяты из реальной жизни и каждая – по-своему уникальна. Будет очень здорово, если вы тоже вспомните что-то важное и захотите поделиться своей историей с друзьями и близкими. А может быть, присоединитесь к нашей команде? Впереди – новые сборники, которые также направлены на благотворительность и будут помогать разным фондам и благотворительным организациям.

Не буду отвлекать вас, друзья, от погружения в мир вещей, который полон эмоций, чувств и воспоминаний. Надеюсь, многие истории сборника «Время светлячков» согреют и подарят вам приятные минуты наедине с нашей живой книгой.

До новых встреч!

И берегите себя.

Таша Калинина, автор проекта «Время светлячков»

Жар солнца

Инна Аббазова, г. Санкт-Петербург

Генетическая любовь к деньгам во мне берёт начало с XIII века, когда мои предки-татары собирали дань с жителей Руси: родилась я уже как будто с монеткой в руке. В детстве были бессчётные копилки: разбиваемые – разбивались, неразбиваемые долго ковырялись, тряслись, взламывались и в итоге тоже шли в дело. Были купюры между книжных страниц – эдакий финансовый поцелуй себя в щёчку в будущем, а в кладях за огородом вместе с разноцветными стёклышками и морскими камушками покоились монеты в целлофановом пакете. Деда, тоже изрядный капиталист, наблюдал за этим с умилением и поощрял – он ещё не знал, что он деньги любит за то, что их можно приумножать, а я – за то, что их можно тратить.

Я этого тоже ещё не знала. Знала лишь, что Скарлетт О'Хара – самый мудрый книжный персонаж, что я встречала. Даже мудрее Паганеля из «Детей капитана Гранта». Её первой любовью был Эшли, а моей – вишнёво-рыжий молчаливый одноклассник с жёлтыми глазами спокойного кота. С ним у нас сложилось «вечернее общение». Выглядело это так: он приходил после занятий гитарой ко мне, в мою девят-

тиэтажку на отшибе у моря, и мы часами сидели на лестнице нулевого этажа под самой крышей. Там было слышно море и голубей, но больше – тишину, которая оседает в местах, где годами бывают либо коты, либо люди на цыпочках, переговаривающиеся шёпотом. На стене было нарисовано солнце, на чердачной двери надпись – «вход в пустоту», с отсылкой, видимо, к Гаспару Ноэ. Тишина, пустота, море тесно связывались в красивую, завораживающую неловкость.

Папа наивно ждал, что мы вот-вот начнём творить разнужданные непотребства, так что с пылом злой ищейки иногда наведывался к нам, окидывал тяжёлым взглядом, мол, боитесь? Бойтесь! И каменной поступью военного спускался обратно в квартиру, не ленись ради этой инспекции преодолевать девять этажей. Бессмысленной инспекции! Мы, четырнадцатилетние Дафнис и Хлоя, были весьма не против хотя бы малюсенького кусочка непотребств, но мы не знали – как. Во время отцовских проповедей у меня чесался язык поинтересоваться: расскажи хотя бы, как и что именно надо делать, чтобы я этого честно-честно не делала!

Вредных советов никто не давал, поэтому мы просто продолжали вечерние бдения. Даже за руки не решались подержаться, только рассматривали лица друг друга часами – сначала на оранжевом свете заката, потом в сумерках, потом в темноте. Он крутил в руках зажигалку, я перекатывала

по пальцам монетку – тогда я твёрдо вознамерилась ловко, как атаманша из «Бременских музыкантов», научиться пускать её бегать по костяшкам.

Нулевой этаж всё замедлял, делал тягучим, нарушал естественный ход событий любой любви, и вскоре назрела мысль о том, что надо выйти наружу. Мы не могли уйти и не могли найти повода, расставляли бесконечные крючки, пока один из них – «всегда хотела расплющить монетку о рельсы, положить под поезд» – не вытянул нас, застенчивых рыб, из воды и не бросил на берег.

Песчаный пляж шёл параллельно моей девятиэтажке, между ними темнел сосновый бор. Мы было сунулись туда по инерции, заведя место ещё более тихое и медитативное, где можно снова месяцами не держаться за руки, но, наученные опытом, свернули в сторону города. Там, за мостом и домом культуры, в стихийном лесу грелись под голубым небом железнодорожные пути.

Поезда там наблюдались редко, шпалы поросли травой и проржавели. Мы сошлись на том, что это, скорее, железнодорожная лесная тропинка. Вокруг замерли деревья, потому что была весна; дубы затаили дыхание перед скорым июнем. В кармане у меня лежала одна копейка – из символических соображений, первая любовь, цифра один, – и парочка рублёвых.

Состав мы высматривали на плотном канате переплетён-

ных над путями труб, забравшись туда по дребезжащей лестнице. Вдалеке были видны и дома, и сверкающее море, и белёсое, по-летнему душное солнце. От чёрной косухи Рыжего пахло нагретой кожей, рука обвивала мою талию, не касаясь, так что получалось невидимое, фантомное объятие, а если я поворачивала голову, то перед моими глазами маячил нервно подрагивающий кадык.

Я почему-то была в папином вязаном свитере и стыдливо размышляла, как бы так осмелиться его снять, чтобы остаться в одной футболке. Не решилась, поэтому жарилась, истекала потом и зудела, мстительно думая: «Вот тебе, папа, и непотребства».

Монеты в моём кармане нагрелись так, что начали источать жар солнца. Машинист, видимо, понял, что столько светил в такой жаркий день – перебор, и дёрнул рычаг; вдалеке блеснул поезд.

Мы бросились к лестнице. Даже под дулом пистолета я не позволила бы Рыжему коснуться своей вспотевшей ладони, предпочтя смерть, поэтому ухитрилась спуститься первой – с изяществом молодой нерпы.

Аккуратно разложив монеты рядком на рельсе, мы забились в чашу, взволнованно наблюдая, как на них с оглушительным грохотом обрушиваются монструозные колеса.

Металл о металл бил с такой силой, что я себя почти не помнила. Сердце потянулось к этому грохоту и подстрои-

лось, чёрная косуха источала тепло за моим плечом. Солнце выбеливало всё до кости, только листья плескались на шее Рыжего синими тенями.

Ход поезда был неотвратимым и беспрекословным, не оставляющим отнорков, он решил всё, наконец, за нас. Мы поцеловались вечером у моей двери – это было похоже на вход в пустоту, долгое падение в темноте. Монеты лежали у меня в кармане. Поезд превратил их в тонкие пластинки, цифры и буквы увеличились, как будто смотришь сквозь линзу.

Потом я уже думала, что не стоило целоваться прямо у глазка. С другой стороны, папа заслужил поймать нас на хотя бы одном непотребстве – ему тоже приходилось в то время нелегко: его, моряка, переводили в военную часть на другом конце страны, хотя мы с мамой об этом ещё не знали. Мы уехали через два месяца.

Монетки мы с Рыжим поделили. Копейку я забрала, смутно догадываясь, что буду таскать её за собой всю жизнь – как бессрочный билет, который в любую секунду сможет доставить меня к рельсам, солнцу, нагретой косухе, подрагивающему кадыку, фантомному объятию и грохоту колёс.

Так оно и вышло. Она годами лежала у меня в шкатулке вместе с другими памятными вещами – билетиком в кино,

куда я ходила с будущим – и бывшим – мужем, подписанной золотыми чернилами открыткой от бабушки, бумажными письмами от лучшей подруги, маминой фотографией.

Я смотрела на пластинку с цифрой «один» и была уверена, что если нам с Рыжим доведётся ещё встретиться – лучше бы возникнуть на этом месте пешеходному переходу, через который я смогу быстро перебежать на другую сторону улицы сквозь расступившийся строй машин. Тот день расплющенной монетки следовало оставить в покое, в золотом янтаре, не дополнять, не уточнять, не дорисовывать взрослым лицом, щетиной, обручальным кольцом и бог знает чем ещё.

И мир был со мной согласен.

Мы столкнулись спустя почти пятнадцать лет, когда Рыжий был внутри кофейни, а я – уже держалась за ручку двери снаружи, собираясь её распахнуть. Он меня не видел, а я его – смутно, сквозь блики и узоры, ошеломительно-узнаваемо.

Рыжий пил кофе с видом человека, у которого есть время, и, наверное, мы могли бы поболтать, как в американских фильмах, с улыбками и переглядками – «совсем не изменился», «а ты какими судьбами тут?». Да никакими, случайными, подумала я растерянно, придерживая дверь: никто не войдёт, никто не выйдет.

Копейка лежала дома, в шкатулке, и одновременно с этим нагревалась, как тысяча солнц, у меня в кармане. Я перешла

улицу и взяла кофе в кондитерской, где никого, кроме меня, не было.

А если это любовь

Марина Лохматова, г. Москва

Из множества шуток, мемов и анекдотов на эту тему я знаю, что есть женщины, для которых слово «шубка» является синонимом слова «любовь».

Сейчас я оказалась в их ряду. Но попробуйте дочитать, может, тут не совсем про то...

Итак, мой рассказ про шубку.

Эта вещь хранится у нас на антресолях в большом чемодане. Конечно, со всей осторожностью завёрнутая в старую газету и проложенная нафталином и ароматным мылом. Она уместается на ладони любого из моих взрослых сыновей. При этом шубка непропорционально тяжёлая. Цигейка. Её никто не носит уже 55 лет. Попадаетея она на глаза лишь дважды в году, когда мы меняем зимнюю и летнюю одежду местами.

Каждый раз я не могу удержаться – беру эту вещь в руки и рассматриваю. Это шубка моего мужа. Когда его в неё одевали, он был не старше двух-трёх месяцев. Мне кажется, что пока я держу её в руках, всё время, промелькнувшее с тех пор, опять проносится передо мной. Конечно, я познакоми-

лась с ним сильно позднее, но сейчас я почти уверена, что и таким его помню.

Что-то в этом моменте есть для меня из сказки про лягушачью шкурку и Василису Прекрасную. Или про Диких лебедей, которым сестра вязала свитера из крапивы, да только времени не хватило, и младший так и остался с крылом вместо руки.

В любом случае это история про сказочное превращение. Был беззащитный несмышлёный маленький умильный ребёнок. Стал взрослый серьёзный мужчина, который служит защитой и опорой целой семье. Это ли не волшебство!?

Конечно, в реальной жизни бывают моменты, когда хочется этого взрослого серьёзного мужчину серьёзно и по-взрослому чем-нибудь стукнуть... Но если в этот момент успеть вспомнить про лягушачью шкурку; свитер из крапивы и сохранившееся крыло; шубку, из которой он давным-давно вырос, то досада уступает место любви и нежности. И это тоже немного сказка.

Продолжая жить в этой сказке – помечтаю – как было бы здорово, если бы мы умели видеть и в себе, и в других эту детскую беззащитную часть, умели бы давать ей опору и любовь. Даже если нет вещественных доказательств тому вроде

шубки на антресолях.

Наверное, мы смогли бы чаще улыбаться и реже ворчать, как это происходит, когда видишь маленьких детей?

И что же нам мешает жить так уже сегодня?

Но это вопрос для раздумий вдолгую, если захочется. А сейчас я со всей ответственностью утверждаю, что слово «шубка» – синоним слову «любовь».

Чёрно-белая память в коробках

Татьяна Стремоусова, г. Москва

Мы уехали из поселка на Колыме со звонким названием Зырянка, когда мне было восемь лет. Накануне отъезда мне снился сон, как я хожу попрощаться к своим друзьям. Поднимаюсь по лестнице, стучусь, потом говорю что-то вроде: «Я уезжаю, поэтому пришла проститься, всего хорошего».

А когда мы переехали в Чувашию, где жили наши бабушка и дедушка, мне очень долго, лет десять снился один и тот же сон, как я возвращаюсь в Зырянку, но никак не могу никого там найти. Либо встречаю каких-то совсем чужих людей, либо просто брожу по пустым улицам и захожу в пустые квартиры. Во снах я не отчаивалась, и в каждом следующем сне думала, что вот теперь-то...

Но сон заканчивался пробуждением и большим разочарованием. Тем временем шли годы и память безжалостно стирала моменты из моего детства. Когда ты вот так покидаешь родные места и больше никогда туда не возвращаешься, то память не дает тебе шансов, она постепенно тускнеет, и остаются только самые яркие и значимые для тебя моменты, которые можно пересчитать по пальцам рук.

И тем ценнее для меня эти папины чёрно-белые фото в ко-

робках и альбомах. Какие мы на них живые! Ни одной постановки. Ни одной вынужденной улыбки. Весь спектр эмоций.

Вот мне около полутора лет и я сижу на горшке. Почему я так счастлива? Вот загадка! Я просто сияю. На горшке! И ведь успел папа запечатлеть такое беспричинное святое детское счастье!

Вот мы с сестрой купаемся в железном тазу, снова счастливы. Господи, как мы туда поместились? Мне год с небольшим, сестра на три года старше. На заднем фоне маленькая электрическая плитка, на ней стоит ведро. Мама грела нам воду. Рядом ложки и вилки стоят в банке. На Севере мы жили скромно, но мама говорит – это было самое счастливое время. Парадокс. Или нет?

Вот я маленькая рядом с огромным старым Диком, дворовой собакой, треплю его за шею. А сейчас я большая, и собак больших боюсь. А маленькая не боялась. Вон, как родные стоим. Смотрю на фото, хочу провалиться в эту эмоцию, коснуться Дика рукой, залезть в его шерсть, заглянуть в его добрые глаза. Но не могу. Но все равно радостно. У меня это было. Было!

А это мы на рыбалке. Папа соорудил что-то вроде плотины из больших булыжников и брёвен. Стоит вполоборота. Красивый, взъерошенный – ветер в волосах. Квадратной формы очки ему очень идут. Сигарета в зубах. Фотограф застал его врасплох. Рядом сидим мы с сестрой – два лягу-

шонка в косынках. Сестра улыбается фотографу, мне некогда отвлекаться, я увлечена – в кулачке что-то зажато, может камушки. Узенькая речушка, на другой стороне лес – тайга. Природа, папа рядом, мы с сестрой. Что это, если не счастье! Не страшно, что не помню. Было, было, было! А значит моё, часть меня! Вот бы счастье можно было складывать вот так, по моментам и кусочкам в баночку. Набрал полную, закрыл крышечкой, считай счастлив окончательно. Не набрал – что ж, иди собирай дальше. Но жизнь – это не банка, нет. У неё нет никаких границ. И у счастья, значит, тоже.

Я смотрю на плоскую, чёрно-белую фотографию, разглядываю и записываю. И память моя оживает, становится объёмной. И совсем не чёрно-белой.

А тут мы уже постарше, сестра в школьной форме, держит Матильду – нашу кошку, я с бантами в горошек. На заднем фоне две огромные рыбины. Наверное, из них вышли вкусные котлеты. На Севере мы часто их ели. Вот что-что, а их вкус я не забуду никогда. Смеёмся на фото. Я во весь свой беззубый рот. Это папа нас рассмешил, я уверена. Он и сейчас нас частенько смешит. Его юмор – самый любимый и лучший на свете.

А вот и мамочка. В модном платье, на талии тоненький пояс, под мышкой сумочка на длинном ремешке. Красавица! Чёрно-белое фото не передаёт цвет её прекрасных се-

ро-голубых глаз. Но не зря говорят, что глаза – это зеркало души. Весь её характер отражается в глазах – смелый, упрямый и свободный, как ветер в поле. Почему ты нахмурилась, мама? Может устала с нами? Папа не вовремя решил сфотографировать? Мне здесь четыре года, я схватила себя за щеки и тяну в разные стороны. Сестра смотрит на меня как на спятившую. На заднем фоне – пальмы. Это мы в Сочи, отдыхаем. И неважно, что я совсем этого не помню. Папины чёрно-белые фотографии – неопровержимое доказательство моего самого лучшего и самого счастливого детства. И каждый раз, когда я приезжаю домой, я достаю эти коробки, открываю эти альбомы и на меня обрушивается моя же жизнь, такая далёкая и такая недавняя одновременно. Жизнь, которую я жила в беззаботном «здесь и сейчас», ни о чем не горюя и не откладывая ничего на завтра.

И чем дольше я смотрю на эти карточки, тем больше понимаю, что всё в этой жизни, по сути, чёрно-белое, нейтральное. Цвет всему придаём мы сами. Мы сами раскрашиваем нашу жизнь. Душа наша – бесконечная палитра, вмещающая в себя тысячи оттенков предзакатного неба и мерцающих вечерних сумерек. И каждое утро мы берём кисточку и рисуем этот день, этот вечер и, наконец, эту жизнь. Иногда, бывает, дрогнет рука – поставишь кляксу, расстроишься. Но затем пройдет дождь, смоем и кляксу, и печаль, и начнёшь с чистого листа – жить, рисовать, любить и, конечно, верить!

Мишка

Елена Курзенюк, г. Югорск

Детство – как ручеёк: быстрый, чистый, переливающийся звонкими трелями, он несётся сквозь ладони, искрясь в солнечных бликах. Казалось, ручеёк этот бесконечный и нет ему начала, и нет ему конца и вдруг – на ладони остались последние капли. Кап! Выпускной. Кап! Университет. Кап! «Ма-а-ам, купи вон ту машинку...»

Кап, кап, кап... Последние капли, прежде чем ручеёк исчезнет с раскрытых ладоней. Но вдруг – он снова зажурчал, снова заговорил, рассмеялся звонким детским голосом. Голосом моих сыновей. Теперь это их ручеёк – стремительный, радостный, живой. А мой? Иссох? Окунуться в него, ощутить на ладонях уже невозможно, но память... Ах, память! Она, как машина времени, снова и снова возвращает туда, в то далёкое беззаботное время.

Вспоминается, как мы с восторгом гуляли в трескучий мороз, если школу отменяли из-за минус тридцати пяти, как лазили на стройки за карбидом, как «доили» муравьёв, искали клады в лесу, играли в индейцев, носились по тайге, а потом возвращались домой – все в сосновой смоле, но до краёв наполненные счастьем.

А дома ждали игрушки. Простые, немногочисленные, но, возможно, именно поэтому – самые дорогие. Или же дело в другом? Может, в особой родительской любви, с которой они были выбраны, куплены, подарены? Или, быть может, у игрушек действительно было сердце – сердце, которое открывается только детям...

Я хорошо помню день, когда в моём доме появился Мишка.

Мама приболела, её положили в стационар, и мы с папой остались вдвоём. Мне было шесть, и я считала себя абсолютно взрослой. Ведь только по-настоящему самостоятельная девочка может вовремя выключить чайник, который папа, уставший после работы, поставил кипятить, а потом задремал. Я гордилась собой, словно совершила подвиг. Папа тоже оценил мой поступок и решил отблагодарить меня – новой игрушкой.

На следующий день мы отправились в единственный в посёлке детский магазин. Его двери распахнулись передо мной, словно врата в сказку, и я попала в мир мечты: игрушки, игрушки, игрушки... А потом прозвучали волшебные слова отца:

– Бери, что хочешь.

Моё сердце застучало быстрее. Глаза метались от полки к полке, от куклы к машинке, от пирамидки к плюшевым зверятам... И вдруг я увидела его.

Он висел над прилавком на натянутой леске, прицепленный за правое ухо. Мой Мишка. Мой. Он ждал только меня.

Я вскинула палец, словно дуло пистолета, точно зная цель:

– Папа, его! Мишку!

– Точно?

– Да-да-да!

Сердце гулко билось: «Мишка! Мой! Мой!»

Это был самый обычный плюшевый медведь – с белым пузиком и белой мордочкой, коричневыми лапами и ушами, красным тряпичным язычком и блестящим пластмассовым носом. Его глаза-бусинки смотрели на мир с доброй, чуть наивной настороженностью. С высоты прожитых лет я понимаю, что в нём не было ничего особенного. Самый обычный мишка. Но именно он наполнял моё детство дружеским теплом.

Мишка знал все мои секреты. Если бы он умел говорить, он мог бы рассказать столько забавного! Я не расставалась с ним ни на минуту. Только в школу его не брала, а в остальное время он был рядом: сидел на столе, когда я делала уроки, уютно устраивался рядом, когда я ложилась спать, отправлялся со мной в отпуск. Наверное, и он меня любил, ведь это была моя единственная игрушка...

Я не видела, как огонь пожирал мой дом. За несколько дней до пожара папа отвёз меня к родственникам. Я не видела, как пламя, словно огнедышащий дракон, уничтожает всё, что было мне дорого, как взрослые беспомощно смотрят на огонь, съедающий дом за домом, не насыщаясь – двадцать домов сгорело, а он всё не останавливается. Я не видела этого огненного ужаса жарким июньским днём. Я видела только чёрные клубы дыма, поднимавшиеся над районом, где я жила. Я ждала. Долго.

Наконец, на пороге тёткиного дома появился папа – чумазый, пропахший злобной гарью, уставший, но по-прежнему сильный.

– Испугалась? – спросил он. – Ничего, у нас будет новый дом. А пока держи своего друга.

Он протянул мне Мишку, доставая его из-за спины.

Мой Мишка. Единственная игрушка, уцелевшая в пожаре. Одна из немногих вещей, которые удалось спасти из объятых пламенем дома.

Так и шагал со мной рядом через всё моё детство плюшевый медведь Мишка.

Валялся на полу, смотрел со мной «Ну, погоди!», листал страницы Жюль Верна, готовился к экзаменам, пил чай с черничным вареньем. Он стойко, с пониманием и героизмом переносил все испытания: стирку, сушку за ухо на бельевой верёвке.

Я выросла, а он старел. То лапка оторвётся, то ушко. Он мужественно терпел мои неумелые попытки врачевания иголкой и нитками. Сначала потерял свой красный язычок, потом облупил нос, позже исчезла бусинка-глаз.

Но он всё равно был.

Я уехала учиться в университет – он был.

Вышла замуж – он был.

Родила сына – он был.

Словно ждал, ждал, надеясь ещё раз окунуться со мной в звонкий ручеёк детства.

Он ждал долго. Больше тридцати лет.

А потом исчез.

Ни мама, ни папа не помнят, куда он делся.

Хочу верить, что он просто вернулся туда – в далёкое тёплое детство. Ведь все игрушки остаются там. И ждут...

Вероника

Марина Абузярова, г. Москва

Однажды в детстве мы с родителями пришли в гости. И там я впервые увидела ее. Это была кукла невероятной красоты в ярко-жёлтом пышном платье – «как у барышни». На голове шляпа на ленточках, на ногах белые туфельки. Она была очень необычная. В советское время я никогда не видела таких кукол. Все куклы тогда были однотипные. Ее звали Вероника.

Когда я увидела её, то сразу захотела себе такую же. Как же я завидовала Лене – хозяйке Вероники. Я умоляла маму купить мне такую же. В наших магазинах Вероник не было, а где её можно купить – никто не знал.

Каждый раз, когда мы приходили в гости, я любовалась Вероникой. А Лена разрешала мне с ней поиграть. Я была готова ходить к ней в гости хоть каждый день.

Когда мне было лет восемь, летом на каникулах в глухой сибирской деревне мы с бабушкой зашли в местный универмаг.

– Бабушка, смотри, это Вероника! – закричала я на весь

магазин.

Я не могла отвести глаз от куклы. Была как во сне. У меня перехватило дыхание. Я даже не просила её купить.

Бабушка всё сама поняла по моему виду. А дальше я помню смутно. Бабушка спросила сколько она стоит. Продавец сказала, что она дорогая. Бабушка не работала, была домохозяйкой. Лишних денег не было. Она ничего не сказала, достала кошелёк и купила мне Веронику.

Я шла домой, прижимала куклу к себе и была в тот день самая счастливая.

У моей Вероники было платье с оборками и с рисунком кирпичного цвета. И такая же шляпка. Ещё у нее был подъюбник, который придавал платью пышную форму. Настоящая красавица. И она моя!

Потом я и мои подружки часами и годами играли с этой куклой. Вероника всегда была моей любимицей. Моей сбывшейся мечтой. Она подарила мне столько часов счастья.

Бабушка умерла тридцать лет назад. Подаренная ей кукла – это одно из тёплых детских воспоминаний, которое я бережно храню в своём сердце.

И Веронику я до сих пор храню. После меня с ней играла моя младшая сестра, спустя много лет – моя дочь.

Ткань платья недавно рассыпалась от старости при очередной стирке. Хочу найти мастерицу, которая сошьет пла-

ть близкое к оригиналу.

С Вероникой ещё моей внучке играть.

Гусь

Татьяна Томова, г. Барнаул

– Сиди здесь и никуда не уходи, – грозно произнесла четырёхлетняя Марьяша, погрозив пальчиком своему другу, и стремительно побежала на кухню.

Я готовила обед и, не заметив, как дочь появилась за моей спиной, продолжала резать овощи.

– Мам, мой гусь проголодался. Чем я могу его покормить?

– Хм, предложи ему капусты, – ответила я, отломив лист свежей капусты и протянув его дочери.

– Спасибо! – крикнула Марьяша, радостно выбегая из кухни.

Не помню, когда у нас появился этот пластиковый гусь – белый с длинной шеей и ярко-красными лапами. Наверняка, мне было столько же лет, сколько сейчас моей дочери. Это отголосок советского времени, когда у всех были одинаковые куклы, мишки и зайцы. Никто никому не завидовал. В школу ходили в одинаковой форме и носили модные в то время спортивные костюмы одной известной фирмы.

Игрушки того времени отличались простотой форм, лаконичностью исполнения и долговечностью. Именно поэтому гусь с красными лапами перешёл по наследству к моей доче-

ри, а, возможно, он останется и её детям. Хотя я не помню, чтобы часто играла с ним в детстве, что нельзя сказать о дочери. Сейчас рынок перенасыщен разнообразными игрушками – кажется, невозможно купить только луну. Но, может, и это уже реальность; просто я об этом не знаю.

С двух лет Марьяша так полюбила этого милого гуся, что не расставалась с ним ни на шаг. Мы брали его в детский сад, на занятия, в гости к бабушке и всегда возвращались с ним домой. Если забывали его забрать – это была настоящая катастрофа! Приходилось возвращаться за гусем. К счастью, мы жили недалеко от бабушки – всего в паре остановок.

– Мама, у меня гусь заболел! – снова раздался голос дочери. – Я сегодня доктор и буду его лечить. Мне нужны бинты, градусник и шприц. А ещё нужно выписать рецепт, и ты обязательно должна купить ему лекарство!

Я вздохнула и улыбнулась.

– Конечно, милая. Мы обязательно вылечим твоего гуся. С довольной улыбкой Марьяша побежала к себе в комнату.

Самое увлекательное зрелище происходило, когда мы шли по улице. Марьяна в джинсовой куртке и светящихся кроссовках несла своего гуся за длинную шею. Прохожие

оборачивались в недоумении, думая: «Что за мать? Не может ребёнку купить „нормальную“ игрушку». Кто-то смеялся и показывал пальцем. А я просто улыбалась и разводила руками. Под «нормальными» игрушками подразумевались куклы, которых можно было кормить и переодевать в памперсы, радиоуправляемые машины, планшеты и прочие атрибуты современного детства.

Конечно, все эти игрушки у нас тоже есть, и дочь играла ими с удовольствием. Но больше всего ей нравился большой белый гусь с красными лапами. Да, он немного потрепался за прошедшие годы и краска на клюве и лапках уже облупилась. Но Марьяша с такой любовью и заботой ухаживала за ним: кормила, лечила, гуляла. Мне кажется, она вообще не выпускала его из рук. Это её выбор, и как мама, я её понимаю и поддерживаю.

Неважно, что думают и говорят окружающие. Я знаю, что моя дочь – добрая и заботливая девочка, которая выбирает вещи не только по моде или рекламе, но и по душе.

– Мам, – Марьяша снова появилась на кухне, – мой гусь уже выздоровел и теперь хочет гулять.

– Хорошо, солнышко, сейчас пообедаем и пойдём на прогулку.

– Ура! – радостный возглас дочки наполнил моё тело и медленно опустился в самое сердце.

Через час мы с дочкой шли по улице. В одной руке Марьяша держала новую сумочку, густо украшенную пайетками, а в другой – своего лучшего друга с длинной шеей и красными лапами.

Ведро яблок

Екатерина Лиханова, г. Свободный

Батя принёс ведро. Большое цинковое ведро, под завязку наполненное яблоками. Стояло оно посередине кухни, словно космический корабль или НЛО, отражая солнце металлическим зеркальным боком. Мы окружили его, внимательно рассматривая. Наконец мама спросила:

– Это что?

– Яблоки, – ответил отец, поглядывая на нас и явно жаждая одобрения.

– Вижу, что не арбузы. – улыбнулась мама.

– Горох! – я схватила пару круглых мелких зелёных плодов.

Один быстро сунула младшей сестре в рот, другой начала жевать сама, и в ту же секунду наши лица перекосило – яблоки, словно лимонный сок без сахара, обожгли нёбо, язык и внутреннюю поверхность щёк.

– У-ух! Кислятина! – я зажмурилась и передёрнула плечами, а сестра захныкала: «Невкусно».

– Ну, Гришка, ну юморист! – смеялся отец, глядя на то, как мы, отфыркиваясь и отплевываясь, избавлялись от фруктовых кусочков. – А уверял меня, что яблоки – сладкие.

– А на что поменялись-то? – спросила мама.

– Да, на ящик гвоздей. На работе вместо аванса выдали.

– Юмористы – это ваше руководство. В прошлом месяце одной сгущёнкой всю зарплату выдали. В этом месяце придумали гвоздями давать. – Мама закатила глаза и устало вздохнула.

– Да. – Отец довольно хрустел яблоками. – Сгущёнка была намного слаще.

– Ну, чтонибудь придумаем. Яблоки не гвозди, – и мама достала толстую тетрадь на девяносто шесть листов.

В каждой семье была такая тетрадь, куда собирались рецепты праздничных и необычных блюд, осенних заготовок, тортов и сладостей. Их записывали аккуратным почерком на листах в клеточку или вырезали из женских журналов и приклеивали, а если места не хватало, то складывали уже просто так. Отчего тетрадь становилась пухлая, с торчащими наружу глянцевыми уголками журнальных страниц. Невероятный калейдоскоп рецептов – и хворост, и торт «Птичье молоко», и солёные огурцы со свечкой, и смородишное варенье. А с начала девяностых сохраняли блюда, которые можно приготовить практически из ничего – печенье из рассола, котлеты из гречки, морковный торт. Конечно, блюдо из яблок тоже нашлось в этой тетради, и на семейном совете было решено приготовить пастилу.

На следующий день, несмотря на то, что каникулы

в самом разгаре, я проснулась рано, чтобы успеть приготовить пастилу к маминому приходу. Вот зайдет она домой, уставшая после работы, а тут я – встречаю её с большим подносом, расписанным хохломой, а на нём лежит горкой ароматная вкусная яблочная пастила. Конечно, маме это понравится, она обрадуется, улыбнётся и скажет: «Спасибо, доченька.», и мне станет приятно.

С такими мыслями я ворвалась на кухню, быстро пробежала глазами по рецепту – ничего сложного в нём не было: сначала разрезать фрукты и поставить их запекаться при минимальной температуре. Через несколько минут блестящие, зеленые четвертушки уже загорали в духовке, а я уселась на окно первого этажа нашего барака, высунула ноги на улицу и стала ждать.

– Сидишь?

– Сижу.

– Давно?

– Нет.

Ленка из соседнего двора хитро шурилась, наблюдала, как я болтаю ногами, и вдруг выпалила:

– А там Сашка поёт!

– Сашка? – я сделала вид, что мне всё равно.

– Ага! – Ленка сделала вид, что ей всё равно, что я сделала

вид, что мне всё равно.

Са-ашка!

Мальчик с гитарой.

Он выходил во двор, садился на подъездные ступени и начинал петь. На голос трубадура сбегались все окрестные девчонки, чтобы полюбоваться на его пшеничного цвета кудри, на его круто вываренную джинсовку, на его длинные тонкие пальцы, которыми он неистово рвал струны гитары.

Не знаю, как так получилось, но я опомнилась только когда сидела в пятом ряду восхищённых зрителей, глазела на Сашку и млела от его хриплого баритона.

Ты назначила встречу, ты сказала: Приду!

Я от радости думал, что с ума сойду,

Я в назначенный день, прискакал как олень, вот стою и жду,

Вот проходит час, вот проходит второй,

Как назло дождь пошёл, мне хоть волком вой,

Все равно я с надеждой стою, потому что тебя я люблю!

Я стою в надежде увидеть внешность твою,

Мне начхать на эти дожди, только ты прошу – приходи,

Если чем обидел – прости, но скорей приходи!

– Ма-а-ам! Я же на пять минут выбежала, чтобы... мусор вынести.

– Тогда объясни, почему мусор до сих пор в ведре?

– Э... накопилось снова?

Я понимала, что виновата, но признаваться в этом было выше моих сил. Поэтому я просто отскребала прилипшие яблоки от протвinya.

– Но это вкусно! – говорила я, облизывая ложку с налипшими пригоревшими кусочками фруктов. – Ну, вкусно же.

– Вкусно, вкусно, – отвечала мама, пряча улыбку.

– А что на ужин? – папа заглянул на кухню. – Я чую запах вкусненького.

– Котлетки.

– С макаронками?

– С пюрешкой.

Мои любимые машинки

Татьяна Мордасова, г. Свободный

Мне часто дарили кукол. Так считалось, что девочкам – куклы, а мальчикам – машинки. Но своих кукол я аккуратно пристраивала на антресолях и при первой возможности дарила подружкам. Они хлопали в ладоши и кричали от восторга, повторяя: «Тебе не жалко?»

Нет. Мне не было жалко. Я не понимала, как играть с куклами. Меня всегда привлекали машины. Когда брату исполнилось шесть лет, ему подарили грузовой железный самосвал. Мне уже минуло двенадцать, и я обменяла его подарок на моего розового мягкого зайца. Брат не огорчился. Я же убежала во двор и долго играла с машиной. Насыпала песка в кузов, высыпала его при нажатии на маленький рычажок, изображала рёв машины и вся вымазалась в песке. Папа разительно смеялся и говорил: «Мать, смотри, а Танька играет в машинки!»

В то лето мне купили двухколёсный велосипед. О! Я была счастлива! Всё лето я не выпускала велосипеда из рук, крутила педали до позднего вечера, научившись кататься на нём самостоятельно за пять минут.

У нас не было машины, но мотоцикл «Урал», на котором ездил папа летом, вызывал у меня полный восторг. Я всегда

сидела впереди и нажимала какие-то рычаги под присмотром папы, и моё сердце почти выпрыгивало из груди от восхищения.

Я часто видела себя во сне за рулём белой легковой машины: гоняла по безлюдной трассе на полной скорости с открытыми окнами, и мои длинные волосы развевались на ветру.

Когда брату купили мопед, я училась в институте. Приехав на лето домой и увидев мопед, я бросила свою сумку прямо во дворе и, не переодеваясь, потихоньку, чтобы никто не видел – вывела мопед на улицу. Там сосед, бывший одноклассник, провёл мне подробный инструктаж по освоению технического устройства, я села и поехала.

Я курсировала на мопеде по городу до самого вечера. К сожалению, я забыла кошелёк и, истратив, весь бензин, обратно домой я тащила мопед почти на себе, но плакала от радости и счастья.

И брат, и мама набросились на меня с укорами, но я не слышала их. Я так устала и хотела кушать, что прервала их крики, сказала просто: «Завтра я буду кататься снова. Папа, дай мне денег на бензин?» Папа громко захохотал и я, довольная его поддержкой, пошла умываться и ужинать.

Моя мечта стать водителем исполнилась в 36 лет: и я,

и мой муж получили водительские права! Первой нашей семейной машиной были «Жигули». Мы её так и называли «Жигулька». Почти восемь лет прослужила нам верой и правдой. И муж, и я попадали на ней и в аварии, и в неприятные истории, потому что не хватало опыта, но все случаи благополучно завершились. Муж часто ремонтировал машину, она была старенькой.

Потом мы снова купили не очень новую машину «Toyota Corolla» и назвали её Каролина-Таечка. Вот на этой белой машине я видела себя во сне в детстве. Я проделывала тот самый маршрут: от своего дома до дома родителей. Папа, как всегда, встречал меня с улыбкой и гордился мной.

Теперь у нас машина «Toyota Vitz». Муж называет машину «Витьком», а я называю её «ВиолеттаТойотовна». Именно на этой машине я сама ездила с сыном на море (за 3000 км), именно на этой машине я почувствовала скорость, именно на этой машине мы много путешествовали семьёй: муж, я и двое наших замечательных детей – Анечка и Кирилл с разницей в возрасте двенадцать лет.

Дети выросли и уже живут отдельно от нас. Они тоже стали водителями, и когда приезжают в гости, то катаются на нашей семейной машинке.

Эта машина – самая любимая и пока незаменимая спутница новых впечатлений. Она как психолог и настоящий друг помогает лично мне снять стресс и одолеть печали и тоску, и позволяет чувствовать волны необъяснимой радости и сча-

стья. Я очень люблю путешествия и дорогу – так бы ехала и ехала, хоть на край света.

Я сажусь в машину и еду на ней в город просто так и громко пою песни, вторя исполнителям хитов, вдохновляясь родными пейзажами и бесконечной любимой дорогой из окна.

Вообще, я всегда восхищаюсь людьми, которые создают для нас такие шедевры цивилизации: машины-автоматы, с двумя педалями, плиты со стеклянными поверхностями и изумительными духовками, стиральные машины-автоматы, посудомойки, насосы, электрические приборы разных видов. Жить в будущем будет ещё удобнее и комфортнее, чем сейчас. Я бы хотела освоить летающую машинку или купить робота для работы в огороде!

Желаю вам, наши дорогие потомки, жить радостно и ценить все дары цивилизации, которые есть сейчас и будут в будущем.

Босоножка

Елена Смирнова, г. Москва

Когда я была совсем маленькой, то мечтала о ходячей кукле (были такие в моё советское детство). И чтобы она непременно умела говорить. Не знаю, были ли в СССР куклы, которые умели говорить что-то кроме «ма-ма» – возможно, они существовали только в моём воображении. Я представляла, как буду держать куклу за руки и вести её рядом с собой на прогулку.

Мой папа – моряк дальнего плавания, – часто бывал за границей и присылал нам небольшие сувениры. Помню, как я просила у него прислать мне куклу мечты (ведь «в Греции всё есть») и чуть ли не ныряла в приходящие от него фанерные ящики. Но там было всё что угодно, только не кукла. Я расстраивалась и ждала следующую посылку. Куклы я, конечно, не дождалась. Кстати, игрушек у меня было достаточно, в том числе и кукол.

Я росла, и вот уже другая кукла заняла мои мысли. Однажды увидев её в магазине, я не смогла её забыть. Что же в ней было особенного? Она была очень красивая! На кукле было длинное платье, что уже делало её привлекательной.

Но самое главное – это сеточка для волос, которая украшала её причёску! Как же мне хотелось иметь куклу с сеточкой на голове!

У мамы были сеточки для волос, удивительно тонкие и незаметные в причёске. Сеточек было две, обе чёрного цвета, а одна из них ещё и с люрексом. Мама ими не пользовалась и отдала мне для игр. Но сеточки были большого размера и оказались велики всем моим куклам. Поэтому мечта о кукле с сеточкой на голове меня не покидала. Каждый раз, когда мы приходили в торговый центр, я заходила в отдел игрушек и подолгу стояла возле полки с этой куклой, любуясь ею.

Это была немецкая кукла небольшого размера; тело и ноги у неё были из пластмассы, а всё остальное – резиновое. Кукла говорила «Мама», волосы у неё были не приклеенные, а продетые в маленькие дырочки (таких кукол можно было купать и расчёсывать сколько угодно раз), и на этих волосах красовалась белая сеточка.

Стоила кукла по тем временам недёшево, по-моему, десять рублей. Конечно, родители не могли мне купить её просто так, безо всякого повода. И я ждала свой день рождения или Новый год, чтобы получить долгожданный подарок.

И вот такой день настал. Правда, этому счастливому дню предшествовало очень печальное событие. У моей бабушки была старшая сестра – баба Зина, которая жила возле «Дома игрушки» на Кутузовском проспекте. Был в советское время такой магазин, где продавались только игрушки. К слову сказать, я там ни разу не побывала. Мы часто ездили друг к другу в гости, и баба Зина знала о моём желании иметь куклу. Она хотела, чтобы мы вместе сходили в «Дом игрушки» и выбрали мне куклу. К сожалению, этого так и не случилось.

Баба Зина была уже очень старенькая, и в один февральский день её не стало. Я очень хорошо помню то утро. Мама зашла в комнату и сказала: «Бабы Зины больше нет. Она очень хотела тебя увидеть, но не успела. Она оставила тебе десять рублей на куклу».

Дело было утром, я ещё не успела вылезти из кровати. Известие меня очень огорчило. Я лежала, уткнувшись в подушку, и тихонько плакала. Мне было очень грустно от того, что она хотела меня увидеть, но не успела.

Но жизнь продолжается, и мечты сбываются. Через какое-то время мы с мамой пошли в магазин и купили ту самую куклу, с сеточкой на голове. Правда, к нашему приходу в магазине сменился ассортимент, и кукла оказалась в другом платье, но это было неважно. Главное – у неё была сеточка на волосах! Я была счастлива! Куклу мне купили, не до-

жидаясь дня рождения, до которого оставалось ещё полгода. На тот момент мне было девять с половиной лет.

Итак, кукла есть, надо дать ей имя! Наверное, вы подумали, что я назвала её Зиной – в память о бабушке, которая её подарила? Но нет. Не то, чтобы мне не нравилось имя Зина, нет. Просто мне хотелось, чтобы мою новую куклу звали каким-то необычным, фантастическим именем. И такое имя было у меня на примете.

В детстве я очень часто слушала передачи по радио. Однажды я там услышала очень красивое имя – Аэлита. Тогда я не знала, что оно принадлежит марсианке из повести Толстого: книгу я прочитала много позже, уже в подростковом возрасте. Но имя запало мне в душу, и я точно знала, что именно им назову свою куклу. Так в моей жизни появилась красавица Аэлита.

Я сшила ей новое платье из голубого крепдешина и меняла ей наряды. В её коробке я устроила ей постель и шкаф для нарядов.

Однажды летом меня отправили в детский лагерь. Перед отъездом я нарядила Аэлиту в сшитый мною новый наряд. Он состоял из безрукавки, брюк и башмачков (пожалуй самый неудачный наряд из всех, что я ей шила). Причёску сделала ей без сеточки. А её родной наряд – платье, трусики, туфельки и сеточку – аккуратно сложила в коробку. Аэлита

осталась ждать меня на полке с игрушками.

Вернувшись, я первым делом побежала к себе в комнату посмотреть, как там моя куколка поживает. Куклу я нашла там, где оставила. Но где же коробка? Я обыскала всю комнату – коробки не было. Я пошла спрашивать у родителей, куда она подевалась. И о ужас! Пока меня не было, папа выбросил коробку. Он не знал, что в коробке хранится весь гардероб моей любимой куклы, а держать дома пустые коробки он не любил. Сказать, что я расстроилась – ничего не сказать. Для меня это была потеря потерь! Всё, о чём я так мечтала – сеточка для волос, а вместе с ней платье и башмачки, – пропало безвозвратно.

Обиднее всего было остаться без сеточки. Да и сшитые мною башмачки сильно уступали тем, в которых она продавалась. Шить я ещё не очень хорошо умела, а тем более обувь. Башмачки всё время слетали у Аэлиты с ноги и в итоге куда-то потерялись. Так и осталась моя кукла босоножкой в самом скромном наряде. Теперь я представляла свою куклу Босоножкой из мультика.

В моё детство часто показывали мультик «Босоножка и её друзья». В этом мультфильме у девочки была любимая старая кукла, у которой не было туфелек. Девочка назвала её Босоножкой. Ночью, когда девочка спала, все игрушки оживали и играли друг с другом. И вот девочке подарили новую куклу в красивом наряде и туфельках. Получив новую

куклу, девочка забывает свои старые игрушки. Теперь вся её любовь отдана новенькой. Новая кукла оказалась высокомерной недотрогой. Она поссорилась со всеми игрушками и выгнала Босоножку из дома. Весь мультик пересказывать не буду. Суть в том, что девочка это почувствовала и изменила своё отношение к игрушкам. Теперь все они для неё стали равны.

Помня этот мультик, я решила, что не разлюблю свою Босоножку, а сошью ей новый наряд и буду любить по-прежнему. У неё появилась новая юбка и что-то ещё. Вот только туфельками она так и не обзавелась.

Когда я повзрослела, кукла перешла к моей сестре. Но расстаться с ней окончательно я не могла. После сестры в неё успели поиграть мои дети. За это время она лишилась своей пищалки и больше не говорит «Мама», кто-то из детей разрисовал её шариковой ручкой, которую мне так и не удалось отмыть до конца. Волосы её никак не хотят ложиться в красивую причёску – чёлка всё время топорщится. Но несмотря на всё вышеперечисленное, кукла живёт со мной и по сей день, напоминая о близком человеке, который осуществил мою детскую мечту.

Она до сих пор носит брючный костюм: каким-то странным образом, сохранился именно он. А ещё у неё появилась курточка, которую я сняла с мышонка моих детей, когда тот сломался. Нет, мышенок не остался раздетым, на нём ещё

была рубашка и штаны. Так что все довольны.

Что остаётся неизменным – моя Аэлита до сих пор босоножая, но любимая. Очень хочу найти время и сделать для неё новый наряд с башмачками. Ведь сейчас я умею шить и вязать. Тем более что скоро у Аэлиты юбилей – ей будет 50 лет!

Олька

Наталья Каминская, г. Свободный

Снежинки, медленно кружась, падали на дорогу. Олька прокладывала тропинку, часто шагая в тёплых, согретых на печке валенках и, поднимая вверх лицо, радовалась первому снегу. Небо, высокое, почти чёрное, в россыпи звёзд, казалось, сыпало их огромным ковшом на землю. Ещё не наступили морозы, и только первые снегопады заносили город сугробами. Дни становились короче, а ночи, расцвеченные миллиардами звёзд, были таинственными и сказочными.

Олька всегда мечтала; ранним утром, когда бежала в школу, или вечером, возвращаясь знакомой тропинкой домой. Она привыкла быть одна. Не доверяя никому свои тайны, Олька закидывала вверх голову и, глядя в звёздное небо, загадывала самые заветные желания.

Имя Олька она придумала сама. Оно казалось ей лёгким и весёлым, как колокольчик, вместо обычного – Ольга. Ещё ей нравилось, как звал её отец – Олюшка. Тогда она долго сидела с ним рядом, тесно прижавшись и положив голову на плечо.

С каждым днём холод усиливался. Замирал, прячась в сугробах, город, погружаясь в зимний сон. Успокоилась под

толстым ледяным панцирем река. Затихли и уснули до весны пароходы и баржи, гудевшие всю осень, торопливо доставляя пассажиров и последние грузы. И наконец зима, суровая в этих краях, окончательно вступила в свои права. Крепкий мороз сковал всё вокруг. Дома укутались снежными перинами, и тяжёлый густой туман лёг белой пеленой на город.

Олька торопливо бежала в школу, укутавшись в тёплый шарф. Она едва различала блики на небе, как вдруг, сквозь пушистые от инея ресницы где-то на горизонте она увидела одну яркую звёздочку. Олька подпрыгнула от радости и помахала ей рукой. С тех пор она неизменно находила её на небе, в одном и том же месте. Каким бы ни был мороз и туман, огонёк впереди всегда радостно ей подмигивал. Олькина звёздочка встречала её утром и вечером всегда была на месте. Олька делилась с ней секретами, плакала, оставляя льдинки на щеках, или весело смеялась, не обращая внимания на трескучий мороз.

В Новый год, оставив общее веселье, Олька тихонько выскользнула из дома и, убедившись, что звёздочка её ждёт, помахала искрящимися бенгальскими огнями. Не имевшая раньше подруг и сторонящаяся окружающих, со временем Олька стала общительной и весёлой. Её лучистые глаза засияли особым светом.

Не страшна была Ольке и эта суровая зима. Всё ей нра-

вилось: и их маленький уютный дом с выбеленной печкой, с половиками, тщательно выбитыми в снегу, и долго остававшаяся в углу новогодняя ёлка со старинными бабушкиными игрушками. В сенях кто-то долго топал ногами, стряхивая снег, и в дверях, в клубах морозного воздуха, как из сказки, появлялась мама. Ужин переходил в тихие вечерние разговоры под весёлый треск горящих поленьев в печи. Всё шло своим чередом. Зима нехотя отступала. Морозы слабели и туман постепенно рассеивался. Одно оставалось неизменным для Ольки – это каждое утро яркий весёлый огонёк у неё на пути. По вечерам весь город снова был расцвечен звёздными огнями, но среди множества огоньков Ольке важно было найти свою звёздочку, с которой они пережили холодную зиму и наконец-то встречали весну.

Оживал, как будто просыпался от ледяного плена город. Длиннее становился день, и утром уже быстрее светлело небо, сменяя ночные огни. Распрямились прохожие, вчера ещё спешащие спрятаться от пронизывающего ветра. Воздух, недавно колючий, обжигающий, стал мягким и свежим. Олька тоже изменилась за зиму, она вдруг заметила, как подросла, и как новые неведомые чувства захлестнули её, наполнив волнением и восторгом. Она спешила рассказать об этом своей звёздочке, но та быстро растворялась в рассветной дымке.

Однажды утром, когда Олька радостно помахала ей, то

впервые увидела, как звёздочка медленно поплыла вдоль горизонта. Не поверив своим глазам, Олька поспешила навстречу, прибавляя шаг, чтобы не потерять её из виду. Звёздочка двигалась вдоль берега, где постепенно усиливались звуки просыпающегося от зимней спячки речного порта. Большие машины, как тяжёлые жернова, с грохотом и лязгом запускали свои механизмы. Приблизившись, Олька остановилась в оцепенении. На вершине самого большого крана тёплым светом горел прожектор.

Кран, завершив зимнюю вахту, медленно двигался вдоль реки, следуя к новому месту расположения. Всю зиму прожектор дарил свет маленькой девочке, «наблюдая» за ней сквозь метель, освещая дорожки большим ярким фонарём. Теперь кран отправился выполнять новую задачу. Скоро забурлит, сметая льды, быстрым потоком река. И с новой силой возьмётся он за работу, принося пользу людям.

Олька смотрела, как замороженная, вслед медленно шагающему великану, растерянность сменилась грустью. Она прощалась с ним. Прощалась с зимней сказкой. Солнце поднималось выше, и тёплые лучи щекотали лицо, путаясь в ресницах. Ветер развеивал волосы, и новые чувства наполняли, завораживали её, как таинственный неведомый путь, который ей предстояло пройти...

Эта история, произошедшая с моей сестрой много лет назад, запомнилась ей навсегда, и дала понимание того, что ча-

сто, ожидая чудес, мы получаем помощь и поддержку порой от того, кто рядом, от кого и не ждёшь.

ШАПКИ, ШАРТИКИ, БРАСЛЕТЫ

Бабушке

Марина Лохматова, г. Москва

Тёмный, прямой и взыскательный взгляд.

Взгляд, к обороне готовый.

Юные женщины так не глядят.

Юная бабушка, кто вы?

М. И. Цветаева «Бабушке»

Когда я родилась, бабушке было шестьдесят. Молодой я её не знала и даже не могла себе представить.

Если бы меня маленькую спросили, я бы даже возмутилась самым предположением – я была уверена, что моя бабушка никогда не была ни маленькой, ни юной. Сразу взрослой, даже чуть-чуть пожилой. Она точно ничего не теряла, не забывала, не проливала на себя суп и не падала в белом платье в лужу.

Звали её классически, Мария Ивановна.

Образ бабушки тоже был классический – строгий, правильный, безукоризненно честный и чистый. В костюме, с идеально убранными волосами, гордым профилем. Из украшений – нитка жемчуга на шее.

Когда бабушка «выходила из себя», это выглядело так – она строго вставала из-за стола, сдержанно произносила: «Да ну вас к свиньям...» и медленно удалялась в свою комнату.

Но было несколько несостыковочек...

Во-первых, Веер*.

Великолепной красоты резной веер из сандалового дерева, с умопомрачительным запахом. В коробочке с прозрачной крышкой. Через эту крышку можно было им любоваться, если залезть на табуретку рядом со шкафом. Правда, любоваться приходилось сложенным веером и запах почти не чувствовался через коробочку и дверцу шкафа...

У моей бабушки!? Веер!? Ей разве бывает холодно или жарко!? Она же идеальная! Или он для того, чтобы лежать в шкафу? Во всяком случае я ни разу не видела, чтобы ему нашлось другое применение.

Во-вторых, Серьги-капельки

Изящные, нежные, серебряные серьги с неизвестным мне камнем в форме капельки. Совсем не подходящие серьёзной даме. Очень выделяющиеся на фоне остальных, «правильных» (читай – скучных для меня) украшений в бабушкиной шкатулке. Эти серьги подошли бы какой-нибудь воздушной юной прекрасной девушке на её первом балу и, конечно же, были получены в подарок от Феи-крёстной. Я втайне надеялась, что они станут моими рано или поздно. Они же точно не для бабушки, а я вот-вот из маленькой стану юной...

И, наконец, Кукла.

Немецкая кукла, в национальном костюме. Всё двигается, всё работает, веки закрываются. Чудо да и только. Эту куклу я до сих пор вспоминаю с содроганием и со слезами на глазах... Столько трепета и ощущения волшебства... И уж конечно, в шкафу за стеклом. От меня. Как от основного вандала в семье.

Эти вещи попадали в мои руки только на минуточку, под строжайшим присмотром бабушки и с приговорами: «Не крути, не сломай, будь аккуратна» и наконец – «Всё, отдай». И дальше возвращались за стекло, на недоступную для меня полку. Это действие сопровождалось бабушкиным вздохом облегчения, что вещи и на сей раз удалось сбере-
ечь...

Зачем эти несерьёзные, детско-юношеские вещи строгой серьёзной даме? Неужели она всё-таки была юной?!

Ответы на эти вопросы я получила позднее.

Примерно за год до смерти, тяжело заболев, бабушка стала проявляться живой и настоящей – мне тогда было шестнадцать, и я до сих пор помню, как меня потрясли её вспыльчивость и сентиментальность. Было много разговоров, её рассказов о детстве, юности, знакомстве с молодым красивым парнем, влюблённости, общих друзьях и даже шалостях.

И этих разговоров было бы ещё больше, если бы мне в тот момент не казалось гораздо более важным что-то своё.

Когда бабушка умерла, эти вещи мне не достались. Я так и не нарушила запрет брать их без неё...

Относительно недавно я нашла в маминых вещах сломанный веер без футляра, в котором он всегда хранился, – без запаха сандала и совсем непрезентабельный. Серёжка обнаружилась лишь одна, а кукла и вовсе канула в небытие.

Поняв, что тех вещей больше нет, я:

- заказала подруге в подарок на свой день рождения куклу
- нашла и купила на «ярмарке мастеров» похожие серьги
- стала пользоваться сандаловым эфирным маслом.

Да, я знаю, вещей не вернуть, но моё желание иметь зримую связь и поддержку сбылось.

**Только эти, именно эти три вещи я осознанно пишу и произношу с большой буквы. Просто это про любовь и про память.*

Янтарное солнце

Жанна Межевич-Юденко,

г. Светлогорск, Беларусь

Мальчишки с корзинами, набитыми домашней выпечкой, носились между расстеленных покрывал на ещё не прогретом солнцем песке и навязчиво предлагали отдыхающим литовские кибинай.

Над морем во всё горло спорили чайки, ныряли в воду за рыбой и снова взмывали вверх. Вдоль берега пробежала чья-то собачка, восторженно неся в зубах мокрую палку. По песку крутились конфетные фантики, обёртки от мороженого, пустые спичечные коробки и пачки от сигарет – ветер подбрасывал в воздух и швырял обратно на землю всё, что люди не утрамбовали в урны. К ногам Антона подлетела мужская кепка. Он поднял её, отряхнул от песка и приложил камнем: «Вдруг хозяин найдётся». Разложил мольберт, прикрепил табличку: «Ваш портрет за 10 рублей». Глянул в сторону дюн – в них от ветра укрылись те, кто хитрее. В конце мая на Балтике холодно.

– Парень, нарисуй меня! Без морщин.

На тонких запястьях рыжеволосой женщины громоздился янтарный браслет, с её бронзовой шеи свисал оранже-

вый кулон на длинном черном шнурке. Таких сотни на деревянных стеллажах по дороге к морю. «Как у мамы». Вспомнив маму, Антон нанёс первые мазки на бумагу, в уме приплюсовал десятку к уже заработанным сотням, вздохнул, что в июне с отцом переедут в неизвестный Минск. Здесь друзей хоть и мало, но зато Альма и море. «Жаль, не оставят на второй год в девятом». Держа руками соломенные шляпы и тканевые кепки, по пляжу склонялись люди, фотографировались у прибрежных фотографов, а некоторые застревали возле юного художника, сравнивая лицо женщины с портретом на мольберте. Кто-то причмокнул: «Талантливый парень». Ветер выдул из головы Антона остатки мыслей, а он довольный, привычно сунул протянутую купюру в поясную сумку. Прикрепил чистый лист.

День заканчивался, Антон бродил по шумной Паланге, в кармане перебирая пальцами необработанные янтарные камешки, собранные за последний месяц. Ноги сами притащили его на опустевший берег. Он подошёл к волнам, рыжим от света заходящего солнца, по щиколотку засунул ноги в обжигающе холодную воду, рассмотрел свои ступни. Выйдя на песок, нарисовал сердечко.

Позже в его жизни было много красивых стран и тёплых морей, но для жизни он выбрал Алтайские горы. Каждый год

в день рождения мамы он достаёт из шкатулки оранжевый кулон, освобождает его от шнурка, бережно разлаживает вокруг него крохотные камешки, собранные на далеком Балтийском побережье и, улыбаясь, ласково поглаживает, будто они живые. В памяти всплывает сердечко на мокром песке, когда он написал: «Я вернусь».

Сокровища бабы Нины

Татьяна Стремоусова, г. Москва

Нина Сергеевна Добрыгина – бабушка моего мужа и прабабушка моего сына. Баба Нина родилась в 1939 году и вот уже 15 лет как вдова военного. Ни разу я не видела её хмурой или в дурном настроении. Напротив, она часто что-то мурлычет и напевает себе под нос. Любит декламировать простые и добрые стихи и рассказывать истории из своей жизни. Более двадцати пяти лет она пела в хоре, там она познакомилась с большинством своих подруг, которые не так давно начали одна за другой уходить. Да и сама баба Нина после ковида сильно сдала. Но для нас она всегда была и будет примером стойкости и лёгкости одновременно, жизнелюбия и неиссякаемой энергии.

Кажется, что счастье так глубоко у неё внутри, что внешние факторы мало могут повлиять на её жизнь и настроение.

Если спросить её про здоровье, она скажет только: «Когда встаю – мне восемнадцать, к обеду уже сорок, ну а к вечеру за восемьдесят».

Однажды, разглядывая её альбомы, я остановилась на фотографии, где она стоит одна, совсем ещё молодая и очень красивая, в ситцевом платье, с крепкими длинными тугими

косами и сияющей улыбкой.

Я спросила: «Баба Нина, в чём смысл жизни?» Она немного удивилась (будто никогда и не задавалась этим вопросом) и сказала: «Ну не знаю, вам сейчас столько для счастья нужно – квартиры, машины. Мы от этого не зависели». И, казалось, это действительно было так. Все истории она рассказывала с гордостью и любовью – как они везли в поезде в чемодане (не было ни коляски, ни люльки) маленькую Мари-ну – мою свекровь, как въезжали в пустые квартиры и спали на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.